

Ой, девки, у нас сѣдни праздник! Мужики с охоты вороча́ютца. В избе со вчерашнево дни пирогами пахнет. Челядь к окошкам прильнула. Чуть где вертолёт загудел – на крыльцо выскакивают. А как же? Нады поглядеть, откуль летит. Не наших ли везут?

Слава Бох, дождались! Из порта привезлись на машине. Сам забжал по ключи от завозни, да лопатину лишну с себя сбросить. А от челяди сразу не убежишь, стоскн́улись об отце кто на шею повесился, кто за коленки имáт. И так-то не часто ево видят, а тут – нука! – боле месяцу дома не было! Старши кое как оболотлись, побежали пособлять.

Мужики-то добытчики! Уж как бы чижало нѣ жили, а сроду не голодовали. Этот год опеть немало набуровили – полон кузов кулей да яшшиков. Давай оне таскатца в завозню да в казѣнку – сахатину да рыбу мѣрзлу, клюкву да пушнину. Напоследе в избу заташили одѣжу лесову да постѣлю. Ково выстирать, ково починить. А как?! Всѣ нады к месту прибрать.

Маломало всѣ распехали. Михаил забжал за паперѣсами, вышел на крыльцо.. Счас уж докуль досѣта не накуритца, домой не заго-нишь...

Сколь ни валандались, всѣ-даки и вымылись наши охотники и бороды сбтели. Расхаживают по избе босиком по тёплому-то полу чѣ не походить? Глядят на всѣ впришшурку. Это у них глаза от электрическа отвыкли. Зимовья-то невысоки, дак оне и в избе каждой двере кланяютца боятся головой косяк задеть.

И по стопочке пропустили и пирогами поужнали. А сами-то ишшо всем нутром в лесу.. Толька и разговоров, што об собаках да об путиках. Да где капкан здря поставили мол нады было кулѣмку насторожить... Да ково не успели доделать.. Да сколь накрохи напро́к заготовить нады.

А Михаил, гляжу, сколь сидит-не сидит, опеть соскакиват это уж ему курнуть нады. Оно это хто чево?! Уж не перву осень не берут с собой курево. По-ихному, раз в лесу паперѣсы взять негде хошь-не

хоть отвыкнешь. Это он всё Галине обещатца бросить курить. Ну я не стерпела, спрашиваю:

Чё, Миша, я гляжу всё ишшо покуривашь? Не забыл, ково Галина-то сулилась сделать?

Мольчи лучше! Кажду осень страшат: «Так и знай, не бросишь курить, на охоту боле не поедешь!» Не знаю, как оправдыватца буду, помолчал, поскрёб подбородок. Вот никово с собой сделать не могу! Понимашь, я бы и бросил, да всё кака-то причина мешат.. Вот счас, примерно, вылетать по-хорошему-то вчерась должны были, а с ночи така падера поднялась, не приведи Господь! Какой тут вертолёт? Никово не видать! И делать неково и не убежишь никуды. Сидим в избушке, как собаки на привязи.

Дак у меня весь день из головы не выходит – хто по нас прилетит?

Хорошо бы Андрюха.. Уж у него-то как закон пачка курева в кармане! Накурю-ю-юсь!...

Сижу, мечтаю, как курить буду. Аж слышу, как дымком потягиват .. Ей Бох, нисколь не вру

А потом рраз! Как шилом хто в бок ткнёт! Неуж Андрея не будет?! Или, не дай Бох, все лётчики некуряшши попадут?..

...Одергиваю себя – да сколь у них некуряшших лётчиков-то? И чё, все соберутца вместе? Да не-е-ет .. не может быть..

..А чё нет-то? Уж как заколодит, так и пойдёт.. Вот – погоды нету!

Те года сразу вылетали, а нонче сидим...

...Да-а-а.. Так пойдёт, дак может и некуряшши будут...

...Или уж прилетит Андрюха, а за куревом в магазин забежать не успет...

Дак до чево довёл себя – к вечеру ни ись, ни пить не могу!

Сёдни вертолёт услышали, не поверишь – не помню, как до площадки добежал! Первым делом в кабину сунулся – поглядеть, хто сидит. А оне ржут, видать уж я шибко на́дико глядел. Андрюха суёт паперёсу:

Я говорил, што Хомаю заране раскуривать нады, а вы не верили!

Им смех, а я маленька не задохнулся!.. Это вить хуже нету, как делать нечево. Было бы како задёлле, ишо не так всё же на курево тянет...

Серёга сидит, машет головой:

Давай, рассказывай про заделле, не забыл, ково выделявал?

Михаил сконфузился:

Не поминай!.. Счас ишшо под ложечкой сосёт, как спомню.. Дак тоже вить из-за погоды!

И взялся рассказывать:

Осень-то кака была? Ты шутишь к октябрю снегу по оборину выпало! Из-за этово мы рано-то и улетели. И морозец хороший на озере уж ледок стал.

А потом, товаришш, зарядили дожди. Дня нету, штоб не лил! Куды в эку нѣпогодь пойдѣшь? Сидим в зимовье. Спим да едим. На третий день Серѣга погнал дрова заготовливать..

Сергей перебил и давай сам обсказывать, как дело было:

А чѣ делать? Ладно – я! Я-то по хозяйству ленивый. Делать неково, дак могу до обеду проспать. А после убежать поудить на озере... А тебе работу давай! – повернулся ко мне:

Ты-то знашь, какой он работяга. Уж здря не присядет, всё в работе. То собак кормит, то снег отбрасывает. То, погляжу, капканья направлять возьмѣтца. А уж добыча есь, дак спать не ляжет, докуль последнего соболя не оденет на пяло... Кажду тушку оснимат, обежжирит. Кажду лапку, каждо ушко расправит. Хоть счас на выставку! Вот дырки даки мне оставлят зашивать. Дескать глаза у нево худы, а руки к иголке непривышны.

А тут сколь дѣн с непогодой высидели?! Я и то пристал, а он уж досталь! Не знат, куды себя девать... Я к нему и так и сяк подступаюсь – никуды своротить не могу. Уж на рыбалку-то ево среди ночи разбуди побезит врысью. Думаю, позову поставить сеть. Маленько пониже зимовья така хороша ямка есь!

Давай, Миша, сетушку бросим в ямку. Рыбки свеженькой нажарим.

Миша не то што чево, даже и голову не поворотил в мою сторону:

Давно ли еѣ ели, рыбу-то... Тебе охота путатца, дак иди ставь. Я не держу...

На друго утро дай, думаю, схожу промнусь. Миша уж на дровах. Колет. Зревел ево, мол пошли проверим кулѣмки. Можеть каки поправить нады... Чѣ здря в зимовье-то сидеть? Дак он на меня с недобором:

Ишшо по екой шляче не ходили! Я и у зимовья-то новы бродни кончил.. все разбрюхли. Твои одевать ли чѣ ли? Дак у тебя нога-то не сорок ли четвѣртый номер? Эти маломерки на мои ноги и без носков не войдут. И так не знаю, в чем дохаживать буду.

Вот и поговори с ним! Он вить и на собак-то всю неделю косым не глядит! Читка, хитрушша не на белай свет, и та не могла улестить! И кругом нево бегала, и взлаивала, и за штанину ево теребила... а потом легла, голову на лапы положила. Уж глядела на нево, глядела... Хоть бы раз еѣ погладил! Осердилась, убежала в лес..

Я уж грешным делом подумал – не изурочил ли ево хто? Потом стал примечать не успею отвернутца, он уж по-за печью шаритца, сор выметат... То из-под нар всё выбуровит. Бытто приборку делат... А я чё, не вижу, што он уж все шшли прошерстил – не остался ли где маломалишный окурочек... Курить отошшал, чё боле-то? Вот и вся болесь!

Тут мне пало на ум – мы уж года два мечтали новый путик наладить. Крюк сделать до избушонки Арсентьича. Места там хороши. И недалёко. На «Буране» - то дивья, не пешком бежать. Да всё время выбрать не можем. Не успеём. А поглядеть нады крайно́. Балок-от стоит как раз на зимнике заежжают, кому не лень. Как не поглядеть уж шибко раззорили, дак работы не оберёсса. Могли и наготово сжегчи...

Всё бы черт с ним главно Михаилу нову заботу натти. Давай я ево подбивать съездить, а он – нет и нет! Упёрся в эти дрова - топор из рук не выпускает! Я уж не знаю, куды их складывать, а он пилит да колет! Пилит да колет!

Как мужика-то карёжит!.. Я весь испереживался, долго ли головой повредитца? Да уж хоть бы из-за чево доброво... из-за курева!

Вот, Якуня-Ваня! Я пошто сразу-то не смекну́л, чем ево сомушшáть нады было?

Миша, ты здря не соглашасса. Подумал бы своёй головой – это сколь там народишшу-то проежжат! Ково толька лешак в эту избушку не водит?!

И чё?

Дак как чё?! У тебя, паря, без никатину мозги-то отсыхают, ли ково ли? Там вить поискать, дак «бычков» на всю осень собирать можно...

Миша даже слушать не стал... С размаху воткнул топор в чурку и чуть не врысью побежал к избушке. У меня какэсь всё опустилось – вот чем ево расшевелить? Пропадат мужик-от..

А он добежал до двери, оглянулся:

Ты чё сидишь, расшепёрился? Заводи «Буран»!

Я не двадни запускался! Михаил прибежал, у меня уж и нарточка наготове и «Буран» заведёнай. Он с разбегу упал в нарту, я газанул. Полетели!

По-добру-то ехать бы речкой, а по тундрочке надёжне. Едем ходко.

И надо вить – упёрлись в рúчей! Он, бывает, всю зиму не мёрзнет. Как ево объехать? С какой стороны? По речке боязно... Долго ли хнуть?! А куды деватца?

Взял топорик, пошел опроведать потюкал лёд. Да нет, толщина-то порядошна, должен выдержат.. А-а-а, проскочим!

И хорошо вить поехали, хлёско! Миша как на свет народился... Какэсь на крыльях летим!

Проехали не так штоб далёко. ..Не понял. чё-то чижало пошёл... Кто чево там позаде-то подёковалось? Затормозило чем-то, ли ково ли? Оглянулся – мать честна! Задок-то у нарты проседат! За нами уж рúчей разлился! Вижу – Михаил, вместе с понягой, скатился с нарты на лёд. Я тоже не долго соскакивал! Адва успели отползти – «Буран» с нартой тут же ушли под воду..

Бытто живо соскочили, а воды всё же успели везде начерпать. Лежим мокрёхоньки. Ну под нами вроде лёд не трешшит – Слава Бох, поняга с нами осталась.

Тихоньку подползли к краю. Заглядывам. А вода до чево светла! Всё видать. И «Буран» и нарту. А в нарте топор стоит – топорщише поднялось в воде. Вот ево нады будет любыми путями доставать. Верёвка в поняге. Завязали на конце петлю, давай прицеливатца, имать. Вытащили вить топор-от! Докуль глядели, казалось до «Бурану» чуть ли не рукой достать можно. А веревку размотали – паря близко коло двух метров будет!

Чё делать? Обсушитца бы где...

От нашей-то избушки не успели далёко отъехать, пешком добежать, и то не простынем. И печка натоплена... И для сугреву есть чё пропустить.

Переглянулись... Бычки пересилили – заковыляли к Арсентычу.

Ну не может быть, штоб в таком месте их не было!

Балóк, слава Бох, ниhto не сожег – Живой стоит. Не здря бежали! И «бычков» навалом! Натрясли из них табаку на газетку, накрутили цыгарок.

Накури-и-ились!.. И с собой взять хватило.

Погода вскоре наладилась, заподмораживало. Всякими правдами и неправдами «Буран» мы достали.

Миша все же вставил своё слово:

Вот ты, Серёга, хоть сколь говори, а я думаю, што вино да табак – это от обезделья! Как охота хорошо идёт, дак рассиживатца нековды. Бывало, за однем соболем пробёгашь до ночи, до зимовья-то доберёсся – язык уж на плече. А в избушке и печку нады растопить, и собак накормить, и себе поись направить. А ишшо одёжу развешать, добычу оснимать.. Да на нары-то без памяти упадёшь. Како курево на ум падёт?

А вот как без работы сидишь в зимовье день, да другой.

Михаил выпятил подбородок, поскрёб ево пятернёй. Похлопал по карманам – пачка на месте... Пора, однако, курнуть..